Утром им разрешили приземлиться и впервые взглянуть на свой новый дом. Высадив их группу, корабль поплывет вдоль побережья и доставит оставшихся жителей деревни в Хайарбор.

Он в последний раз обнял заплаканную Ану и пообещал, что скоро увидится с ними снова.

Я искренне надеюсь, что это правда.

Пришло время взглянуть на его новый дом. Гринсайд сильно отличался от Уайтшора. Здесь не было длинных белых пляжей с мелким песком, но был скалистый берег и более глубокие воды, чем в среднем по архипелагу. Его самой примечательной особенностью были виридские джунгли, густая зеленая стена, окружавшая город со всех сторон.

Из того, что он подслушал, джунгли покрывали всю южную часть Яньлуна, отрезая город от всех других поселений.

Кай пытался умерить свои ожидания, но Гринсайд их разочаровал. Он был больше, чем Уайтшор. Но, прожив в мегаполисе с миллионами людей, он все равно назвал бы его деревней.

Его взгляду не пришлось далеко блуждать, чтобы достичь возделанных полей и джунглей за ними.

Было ясно, что город недавно подвергся расширению. Первоначальные здания вокруг дока не слишком отличались от тех, что были в Уайтшоре. Уютные маленькие домики, уникальные в своих мелочах, демонстрируют признаки длительного использования и соответствующего ремонта.

На середине улицы картина резко изменилась. Отделенный невидимой линией, начался совершенно новый район с простыми одинаковыми зданиями.

Каждый из них представлял собой деревянный куб с двумя маленькими окнами без стекол с одной стороны, дверью с другой, в то время как остальные стены были общими с еще двумя неразличимыми бельмами на глазу. Эти группы из четырех ящиков были расположены в виде сетки вдоль идеально перпендикулярных линий, что только усиливало атмосферу антиутопии.

Кай старался сдерживать свои ожидания, но это...

Это правда, что, достигнув дна, всегда можно начать копать.

Наспех построенный деревянный дом выглядел сборным. До сих пор Кай даже не подозревал, что они существуют в этом мире.

“Мам, дом такой уродливый, я не хочу здесь жить”, - пожаловалась Кеандра.

По лицу Элени было видно, что она думает о том же и изо всех сил старается не выдавать своих мыслей вслух.

“Все не так уж плохо, я уверена, что внутри лучше”, - сказала Алана не очень убедительно.

Оказалось, что внутри все было таким же пресным и неприятным, как и снаружи. Единственным положительным моментом было то, что он выглядел чистым, не очень-то по-профессиональному, если учесть, что здесь никогда никто не жил.

Реллан сделал все возможное, чтобы подбодрить семью: “Не волнуйтесь, подождите несколько

недель, и мы заставим вас почувствовать себя здесь как дома”.

“ Дорогая, ты же знаешь, что здесь всего две спальни и гостиная. Здесь нет места для твоего кабинета.

Улыбка Реллана слегка дрогнула.

Алана была великодушна. По мнению Кая, называть эти тесные дыры спальнями было натяжкой. Шкаф Гарри Поттера под лестницей, вероятно, был просторнее, и ему даже не нужно было делить его со своими сестрами.

Реллан старался быть уверенным: “Мы всегда можем расширить наш дом, рядом джунгли, там должно быть более чем достаточно древесины ...”

“И как ты собираешься это сделать? Разве ты не видел, что мы застряли в окружении двух других домов с двух сторон и дороги с других”. Кай не удержался и выпалил:

Вся семья повернулась и уставилась на него, он не был уверен, то ли из-за того, насколько прямолинейно он говорил, то ли из-за холодной правды, которую несли его слова. Судя по тускнеющему огоньку в глазах его семьи, это было последнее.

Черт возьми, мой рот. Тебе действительно нужно было говорить сегодня, прежде чем что-то обдумать?

Подавив свое подавленное настроение, Кай попытался сказать что-нибудь, чтобы помочь.

“ Я уверен, у нас достаточно места для огорода. Он попытался улыбнуться, но знал, что это, должно быть, выглядело вымученно. Лучше сменить тему.

Думай, мозг! Думай!

“Папа, сколько денег они дали нам в качестве компенсации?”

Кай вспомнил, что кто-то упомянул, что они получат "соответствующую компенсацию" за свои потери.

Его родители переглянулись, прежде чем Реллан наконец сказал: “Республика собирается выплачивать пособие в размере 20 фишек на человека в течение первого года”.

Это означало 100 фишек на пятерых или один месар. Кай понятия не имел, сколько это было. Даже если мезар был официальной валютой Мерианской республики, ему пришлось на мгновение задуматься, чтобы хотя бы вспомнить, как она выглядит.

В Уайтшоре бартер или обмен любезностями был нормой для сделок. Большинство людей пользовались фишками, крошечными круглыми медными монетками размером с его ноготь большого пальца, на которых был выгравирован стилизованный ястреб.

Мезар был в три раза больше как по диаметру, так и по толщине. Казалось, что это не так уж много, но на него можно было купить несколько вещей.

Подожди секунду… Его отец упустил важную информацию.

Прежде чем он успел открыть рот, Элени опередила его: “Папа, как часто они нам платят?”

На мгновение воцарилось молчание. - Ежемесячно, - вместо этого ответила Алана.

“О...”

Ладно, значит, они не хотят, чтобы мы умирали, просто умирали с голоду.

Алана ободряюще улыбнулась: “Тебе не нужно беспокоиться, мама и папа что-нибудь придумают. У нас достаточно сбережений на крайний случай”.

“Я уверен, что в таком большом городе смогу найти больше возможностей. Я уверен, что есть много людей, которые ищут учителя.” - добавил Реллан, стараясь звучать уверенно.

У него были навыки чтения и письма, что, насколько понимал Кай, было похоже на двойную степень. В Уайтшоре он обычно давал уроки как взрослым, так и детям.

Учитывая численность населения Гринсайда, недостатка в людях, нуждающихся в его навыках, не будет.

Подбадриваемый родителями, Кай пытался сохранять оптимизм.

Что ж, по крайней мере, хуже этого уже быть не может.

После того, как они потеряли свой дом, дела могли идти только в гору. Острова и море всегда были в изобилии, и сельские жители, а ныне горожане, всегда помогали друг другу в трудные времена.

* * *

Несколько месяцев спустя.

Как однажды сказал один мудрый человек, достигнув дна, ты всегда можешь начать копать. К сожалению, этот мудрец не понимал, насколько глубже можно копать, морю дерьма не было конца.

Гринсайд был отстойным с самого первого момента, но новизна сделала его более сносным поначалу. Чем больше проходило времени, тем больше Кай ненавидел это место.

Официально расформированные поселения выбирались исходя из размера, но даже если Гринсайд был больше Уайтшора, разница была невелика. Первоначальное население составляло около шестисот человек, но Кай слышал о людях из расформированных поселений численностью почти в тысячу человек. Что-то пахло рыбой, и это был не морской рынок.

У Кая была пара идей по поводу того, почему Гринсайд не был расформирован Республикой. Там не было длинных солнечных белых пляжей, а было изрезанное побережье, состоящее из скал. Половину времени погода была дерьмовой, и, что хуже всего, была влажность.

Он не знал, было ли это из-за джунглей Вирида или по какой-то другой причине. Воздух казался тяжелым, в нем ощущалось почти физическое присутствие. Он бы не удивился, если бы однажды рыба запуталась и начала плавать по улицам.

Они медленно задыхались, и избежать этого было невозможно. Независимо от того, насколько глубоко вы дышали, облегчения вы не получали. Ваша одежда постоянно прилипала к коже, и люди большую часть года ходили полуголыми, пытаясь выжить.

Солнце почти скрылось за горизонтом. Шагая по грязным дорожкам городка, он задавался вопросом, зачем кому-то вообще понадобилось здесь селиться. Возможно, именно поэтому он слишком поздно заметил, что кто-то следует за ним. Прежде чем он успел отреагировать, его толкнули лицом в землю.

“Возвращайся туда, откуда пришел, республиканский молокосос!”

Кай сплюнул набившуюся в рот грязь и повернулся, чтобы посмотреть на группу детей, возвышающихся над ним. Их было шестеро, все крупнее его.

Черт!

Он никогда даже не задумывался об этом раньше, но из-за своего отца он выглядел немного иначе, чем другие местные жители. У большинства островитян были волнистые темно-каштановые волосы, янтарная кожа и зеленые глаза. Его загорелая кожа была того же цвета, но волосы были пепельно-белыми, выгоревшими на солнце.

Прошли годы, но видеть другое лицо, смотрящее на него в ответ, все еще было странно. А поскольку зеркала были редкостью, было легко избежать столкновения с этим. В любом случае, в Уайтшоре это никогда не имело значения.

Здесь все было по-другому. Или, лучше сказать, время и события все изменили.

Примерно из двух тысяч человек первоначальные жители увидели, как их дом превратился в хаотичный город на грани голодной смерти, в то время как новые поселенцы потеряли все и оказались на мели в чужом месте.

Неудивительно, что многие были недовольны, и негодование против Мерианской республики росло с каждым днем.

Не потребовалось много времени, чтобы происхождение его отца стало общеизвестным. Сначала слухи и оскорбления начали распространяться за их спинами, затем более смелый открыто сказал им об этом в лицо. Переход травли в физическую форму был естественным следующим шагом.

Кай даже не успел встать, как другой парень выбил у него из-под ног ноги, на этот раз он выставил вперед руки.

“Ты здесь никому не нужен, плыви обратно в свою страну!” Сказал другой ребенок, пиная его в живот. Это действительно было немного больно, но он стиснул зубы и не издал ни звука.

“ Держу пари, он даже плавать не умеет. В лучшем случае гребет, как собака.

В его сторону посыпались новые непристойные оскорбления. Кай свернулся в клубок, защищая голову. Он много раз пытался поспорить с ними, говорил им, что родился и прожил всю свою жизнь на Архипелаге, как и они. Что с его семьей обращались так же и она страдала от такой же несправедливости.

Ни один из его аргументов не имел значения. Они были злы и хотели кого-то обвинить, он был

удобной боксерской грушей, чтобы утопить их разочарование. Слишком мал и бессилен, чтобы дать отпор.

Они устроили ему засаду в одном из боковых переулков, люди, шедшие по главной улице, смотрели в другую сторону. Даже те, кто этого не одобрял, изображали неведение.

Я идиот, мне следовало держаться главных улиц. Кай ругал себя.

Обычно в этот час улицы были пустынны, должно быть, они ждали его. Он был таким гребаным идиотом.

Он задавался вопросом, сколько еще продлится избиение. Он терпел удары, пытаясь заглушить стоны боли, цепляясь за то немногое, что осталось от его гордости. Он уже так много потерял; он скорее умрет, чем потеряет что-либо еще.

После нескольких минут оскорблений и побоев они обычно уставали и уходили. В первые разы он пытался сопротивляться, но ему было не справиться с ребенком вдвое старше его, не говоря уже о шестерых из них.

Он обнаружил, что если они не получают никакого ответа, все, как правило, заканчивается быстрее. Сегодня эта тактика не сработала. Он не мог сказать, как долго это продолжалось, он оставался в том же положении еще долго после того, как они ушли.

Его никогда так сильно не били, должно быть, в Гринсайде дела шли все хуже, или им было скучнее, чем обычно.

Кряхтя от боли, Кай медленно поднялся. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы устоять на ногах и оценить свое состояние. Ему нужно было помыться, его льняная одежда была в беспорядке. Грязь отмыть было достаточно легко, но кровь - нет. Он молча извинился перед мамой, Алане нужно было снова их почистить, а у нее и так было достаточно дел.

В небе над головой прогремел гром, начала накрапывать легкая морось, через несколько секунд превратившаяся в густой тропический ливень. Погода в это время года была капризной, яркое солнце могло смениться тропическим штормом менее чем за минуту. К счастью, они обычно длились недолго.

Несколько человек на улицах поспешили укрыться, но он оставался неподвижным, позволяя воде поглотить его. Он стоял там, широко раскинув руки, и смотрел в темное небо, словно обнимая облака над головой, позволяя дождю омыть его дочиста.

Внезапно он расхохотался, сам не зная почему.

Я наконец-то схожу с ума.

Маленький ребенок, неподвижно стоящий посреди бури и смеющийся.

Никто не обернулся, чтобы посмотреть на него, шум дождя заглушал все остальные звуки, изолируя его от остального мира. Даже когда его смех перешел в громкие рыдания, никто не услышал.

Окруженный всей мощью природы, Кай сел на землю и обнял колени. Он заплакал, стыдясь своей слабости. Один.

Почему я плачу? Я проходил и через худшее.

Его глаза не отрывались. Слезы смыло дождем, как только они появились.

У него не было желания встать или пойти домой. Он мог бы стоять так вечно, но когда дождь смыл его эмоции, по телу прошла неудержимая дрожь. Хотя погода не была холодной, он промок насквозь.

Он чувствовал такое оцепенение, словно его собственное тело ему не принадлежало.

Шторм утихал, но ветер оставался. С трудом поднявшись на ноги усилием воли и тела, Кай заковылял обратно домой, шаг за шагом. Облака на небе уже успокоились, но продолжали нависать, заслоняя свет лун.

Его дом был недалеко, но с каждым шагом он все больше осознавал плачевное состояние своего тела. Боль повсюду, просто чудо, что у него не сломаны кости. Он поморщился. Возможно, несколько сломанных ребер.

Толчок от попадания в Red □□□ сделал его тело немного более крепким. Однако он был уверен, что завтра на его теле будет трудно найти пятно, которое не было бы черным или синим.

Если бы я был Рыжим □, как другие дети моего возраста, я мог бы умереть. Кай задумался, прекрасно понимая, что осознание этого должно потрясти его еще больше. Заставить его что-то почувствовать, но в тот день он уже испытал все эмоции, какие только мог.

Дети могут быть более жестокими, чем взрослые, и у них даже не хватает совести осознать это. Он знал, что не должен винить их, ведь в девять или десять лет их внутренняя ненависть могла исходить только от их семей. Они повторили то, что сказали их родители, и набросились на них, не зная, как реагировать на ужасную ситуацию, в которой оказались.

И он не мог винить родителей, которые были напуганы и разгневаны. Их жизнь пошла прахом, их надежды на будущее разрушены вместе с их домами. Теперь они застряли в незнакомом месте, без света в конце туннеля и с достаточным количеством еды, чтобы не умереть с голоду, на данный момент.

Они были напуганы и разгневаны, искали кого-нибудь, на ком можно было бы выместить свое разочарование. Они не могли тронуть Республику, поэтому его семья стала лучшим следующим вариантом.

Кай понимал их, но все равно презирал. Прихрамывая, возвращаясь домой, он обнаружил, что все еще что-то чувствует: гнев.

Его семья страдала так же сильно, как и они сами. Его отец так и не получил работу преподавателя, даже если просил половину того, что получал в Уайтшоре, а это с самого начала было не так уж много. Люди оскорбляли его, говоря, что он должен делать это бесплатно.

Реллан предложил также научить тому, как овладеть навыками чтения и письма, что требовало много времени и руководства. Обычно ни у кого из жителей деревни не было возможности научиться им. В больших городах были люди, готовые учить их, но они брали с месаров почасовую оплату. Его отца устраивало, что им платили столько, сколько они могли себе позволить.

Потом пришли люди, но не заплатили даже сломанную медную монету. Реллан терпеливо ждал неделями, но ему платили только оскорблениями и оправданиями. Республика уже взяла с них взносы, как он смеет требовать большего, разве он не может пойти и попросить губернатора заплатить?

Воспользовавшись ужасной ситуацией, Реллан сказал, что сейчас самое время попробовать другую работу.

Помогали строить новые дома? Нет, у них было достаточно людей.

На борту рыболовецких судов? Все места были заняты.

Люди, которые жаловались, что не могут никого найти на какую-то дерьмовую работу, казалось, внезапно вспоминали, что кто-то уже просил об этом месте. В конце концов, кто-то взял его в качестве помощника на полях за две трети зарплаты.

В тяжелом положении Гринсайда полная зарплата едва ли могла прокормить человека.

Его отец делал все, что мог, но его профессия не была создана ни для физического труда, ни для его характеристик. Он сказал Каю, чтобы тот не волновался, что он наверстает упущенное, получив более высокий профессиональный уровень, но Кай видел, что ему придется выложиться до предела, чтобы сохранить свою работу. Он вернулся домой едва держась на ногах, у него не осталось сил ни на что другое.

Чтобы прокормить семью, Алана работала сама от рассвета до заката. Раньше она была уважаемым наблюдателем за приливами и отливами, но у Гринсайда уже был один и еще трое после миграции. Она была вынуждена браться за любую случайную работу, которую могла найти, и люди находили предлоги, чтобы платить ей меньше. Она работала на трех работах, чтобы держаться на плаву.

Кай и его сестры делали все возможное, чтобы помочь, как могли, ухаживая за домом, убирая и готовя. Они бы устроились на работу, если бы могли.

Почему какого-то мудака нужно прощать только за то, что он был напуган и страдал?

Какое право кто-то имел так сильно усложнять себе жизнь?

Он знал, что ничего бы этого не случилось, если бы не Республика, но на них было трудно злиться. Именно другие островитяне с каждым днем делали его жизнь хуже. Они отказались признать, что его семья не имела никакого отношения к их бедственному положению и находилась в такой же ситуации. Просто для того, чтобы им было кого обвинить.

Республика и губернатор были подобны урагану или землетрясению. Природная катастрофа, которую вам пришлось принять и пережить.

Он никогда не ожидал от них ничего хорошего, но от своего народа ожидал большего. Теперь он чувствовал себя преданным.

Я чертовски сильно ненавижу это место.

Может быть, он был несправедлив. Жители деревни из Уайтшора сочувствовали им, но им тоже было трудно, и они мало что могли сделать. И все же он устал быть справедливым.

Возвращаясь в свой уродливый дом, Кай попытался скрыть хромоту, чтобы не беспокоить семью. Время не сделало его дом красивее, лишь продемонстрировав его дешевое мастерство. Но люди, которые там жили, сделали это своим любящим уродливым домом.

http://tl.rulate.ru/book/91609/3608715